

В.Киселёв

Холодная улыбка луны

"...Ибо человек не знает своего времени.
Как рыбы попадают в пагубную сеть,
и как птицы запутываются в силках, -
так и сыны человеческие улавливаются в бедственное время,
когда оно неожиданно находит на них..."

Екклесиаст гл.9;12.

1

...Ты не позвонил мне, Порфирий, ни 5 января, ни 15, ни 25-того - как мы и договаривались... Наступил февраль - та же картина... Молчание...Молчание...

Для того, чтоб позвонить мне - тебе нужно было одеть охотничьи лыжи, и взяв направление от своей таёжной заимки строго на Север примерно 2 км, добраться до знакомой сосны на взгорье, справа от распадка, надеть "когти" верхолаза, подняться на 5-6 метров, где твой телефон сможет еле-еле поймать сигнал вышки "Би Лайн". И только тогда - окоченевшими от холода негнущимися синими пальцами, - набрать номер.

Но мой телефон молчал...Сегодня и вчера...и позавчера...и - позапозавчера...и поза-поза-поза...

... Появились первые проталины. Повеселее стало припекать зяблое, низкое сибирское солнце. Февраль передал ключи своему младшему братику - Марту... Ты не обнаружил себя, Порфирий, не звонил... Молчал и молчал... и так - день за днём... неделя за неделей... месяц за месяцем...

Я понял: что-то случилось...

И, написав заявление на 10 дней за свой счёт, я покинул Новосибирск, где на заводе "Труд", вот уже почти 5 месяцев мы ремонтировали две дробилки для нашего предприятия. Жил я в заводской общежитии, тут же...

Что ж так долго?... - да то одного нет, то другого... То нужного толстого листового железа, то двигателей, то "концевиков", то подшипников 3636.

Порфирий... Порфирий... - бессонная боль сердца моего...

...Гусинобродское шоссе осталось далеко позади, а впереди - лежала дорога на Кузбасс, на шахтёрский город Ленинск , потом - на Белово - там мой дом, там я родился.. Там мои друзья, моя малая родина и всё то, что мне дорого, чем жив до сих пор...

По приезду - я отправился к своим корифанам-охотникам Юрке и Толстому, чтоб узнать: был ли кто-то у Порфирия ?..

Но здесь меня ждала трагическая весть: Юра и Толстый, заразившись ковидом , - умерли один за другим в Гурьевской горбольнице в течении января... Новокузнецкий крематорий обратил одного и другого - в Ничто, в дым...

... Нет больше Юры и Толстого... нет больше моих корешей... ни одного, ни другого... Только чёрный, тяжёлый, жирный дым Новокузнецкого крематория, кружась и взвихряясь, нехотя падает, в реку Томь в районе Топольников. Они, мои корифаны, - стали просто дымом, такие весёлые и живые когда-то...Просто дымом... Полюбуйся на этот сизый дым и - вспомни их добрым словом, мой юный друг!..

"Рожденное рекой - да уйдет в реку."

Толстый - был сыном бакенщика, а Юра - сыном рыбака...

2

... Порфирий... Порфирий... - нескончаемая боль сердца моего...

3

... Дождь, снег и ветер!.. Летишь сквозь эту развеселую троицу, безумную карусель, сквозь эту кутерьму, сквозь этот праздник непослушания, сибирский снежный карнавал - и теряешь ощущение текущего времени и пространства. Прямо как в небе над Бермудами...А эта развесёлая троица кусает тебя, щиплет, лезет за шиворот, бессвязанно что шепчет, приговаривая: "Чур на новенького! Чур его!.. Чур!" Позабыл напрочь этот дождь, этот снег и этот ветер - меня, таёжника, охотника и рыболова - Киселёва Василия, с "погонялом" в определённых кругах - Кисель. Не признаёт ни в какую - своим, плотью от плоти - этого пейзажа, этого таёжного антуража.

Скоро я обниму тебя, друг мой Порфирий!.. Хороших подарочков я везу тебе!.. Почти что 5 месяцев я не был у тебя, дружище, в твоей таёжной заимке!.. Всё дела да дела, да работа, да суета, будь она неладна!.. И вот в этой суете - день за днём проходит вся наша жизнь...

Ровно и монотонно урчит мотор снегохода "Полярис", ветки хлещут мне по рукам, по покрасневшему лицу... Я тихо бормочу себе под нос давнишнюю, забытую многими, песню: "Опять пурга... В тайгу умчались двое и на снегу не видно их следа. А над моею, над самой головою - горит огромная Полярная звезда!.."

Почти час езды от моего дома на окраине Белово до твоей избушки в сибирской тайге. Летом, по знакомым тропкам, - значительно спроворней!..

4

...Порфирий, Порфирий ... - безысходная тревога моей души... Почему ж ты не звонишь?..

5

...Вот и последний поворот перед заимкой Порфирия. Ох, и снегу-то навалило нынче!.. прямо 2-метровые сугробы - как в моём детстве, в 60-х годах прошлого века... Мой прицеп - пластиковое корыто - подпрыгивало по снежному насту. Мой юный друг! - никогда не ездил в тайгу без прицепа-корыта! Он всегда тебя выручит.

Много снега нонче - вот воды-то по весне буде-е-ет!.. Опять егерю заботы - отводить от заимки ручьи... Ходить к дальнему кордону, потчевать лосей солонцами... Много хлопот у лесника с приходом весенних деньков!..

Но что это?.. Что?.. Почему не идёт из трубы дым?.. Господи, дверь почти наполовину занесена!.. Глянь-ка: куржак на окне!.. Почему меня с лаем заливистым не встречают - как всегда! - собаки: Валет, Тайга, Дозор и Дези?..

Нехорошее предчувствие охватило холодом и дрожью моё сердце... Где же Порфирий?..

Я припарковался к самой двери, прыгнул со снегохода и резко рванул дверь...

6

... Порфирий лежал посреди заимки, раскинув руки, будто хотел обнять всю свою вековую сибирскую тайгу и смотрел куда-то мимо меня в одному ему чудную, дальнюю безвозвратную даль... Из под головы - натекла лужа крови... Я дотронулся до холодной шеи - пульса не было... Рядом валялся карабин ... опрокинутый стул... на столе - сковородка с остатками жареной картошки, початая бутылка водки, пепельница, полная окурков и три листа бумаги - видимо, предсмертные записки ...

Я взял одну из них.

7

" Вася!.. Если ты это читаешь - то меня уже нет в живых. В кладовке стоит гроб и крест - похорони по-человечески, прошу тебя... Могилу я вырыл ещё с осени, у родника, где мы брали воду с тобой, помнишь?.. Там ещё - огромный чёрный камень и старый кедр, вспомнил?.. Не обессудь... вымотала меня боль в сердце... Вась, если ты приехал с Гришей, то проблем не будет, похороните, если один - то я сделал приспособу: гамак и строительный блочок - гроб со мной положи в гамак, подними верёвкой и потом опусти в могилу, я пробовал, должно получиться у тебя... Не ругайся!.. чего уж теперь?..

Вася!.. прости меня - пришлось убить собак , им нечего было есть, да и после моей смерти - их всё равно бы волки загрызли или медведь сожрал...похорони их рядом со мной, прошу... они лежат возле баньки под брезентом... Все вещи заberi себе - карабин и ещё мелочёвку - что считаешь нужным...

Забодяжь с ребятами-охотниками поминки - деньги в сапоге, под стелькой...Извини за хлопоты... Прошло моё времечко... Прощай!.." 10 марта 2021г.

Вторая бумага была адресована начальнику полиции г. Белова. В ней говорилось, что он, Кузнецов Порфирий Иванович, в твердом уме и здравой памяти добровольно уходит из жизни и просит ни кого в этом не винить...

Я аккуратно сложил это письмо вчетверо и положил себе во внутренний карман пиджака.

Еще одна записка предназначалась фельдшеру "Скорой помощи", где Порфирий отказывался от услуг морга и просит в связи с этим похоронить его друзьям (т.е. мне) в тайге, где последние 10 лет он работал егерем и он-де не

хочет лежать на городском кладбище ибо он - таёжник и его вечный сон ничто не должно омрачать- ни гул города...ни шуршанье автомобильных шин... Просит отнестись к его просьбе с пониманием.

Я спрятал и этот лист себе в карман штанов.

Так, подумал я , сегодня 18 марта, - больше недели Порфирий здесь лежит... Хорошо ещё хоть холод - а то бы всё пропиталось трупным запахом. Я достал фляжку с коньяком из-за пазухи, налил себе пол-стакана и залпом выпил. Посмотрел в окно: вечереет. Если я хочу завершить погребение засветло , - то надо мне поторапливаться. Цени и береги время, могильщик Киселев! - перечти "Нравственные письма к Луцилию" Сенеки.

... Я вошел в кладовку, взял гроб и положил рядом с Порфирием. Эх, были бы счас со мной мои кореша-охотники - Гриша или Валера, или Мутный, - то было б повеселее, спроворнее!.. Вечно - всё одному приходится делать... Я закрыл веки моему другу, взял под руки и осторожно затащил в гроб, потом - ноги поднял и положил туда же... Порфирий какой-то легкий больно стал - как пушинка, подумал я. Смерть, словно голодная гиена, беспрестанно грызёт и грызет моего друга Порфирия...Жрёт без устали - и только пуговицы выплёвывает...

Теперь дело за крышкой. Я сходил в кладовку и принес её. Затем осенил крестным знаменем Порфирия и сам троекратно перекрестился.

"Господи!.. Помоги мне и дай силы завершить начатое..." - молитвенно прошептал я... Молоток и гвозди Порфирий любезно положил на лавку, где всегда стояло ведро с водой, - что б долго не искалось ... на глаза чтоб сразу попались...

Я забил крышку, взял со стены верёвку, застропил на "удавку" верхнюю часть гроба, - там где была голова Порфирия и потянул на себя. Получилось. Хорошо, что я еще приехал с корытом, иначе вообще было бы швах!.. Из корыта я выгрузил на снег слева от двери заимки провизию, - теперь Порфирию она уже не понадобится. Не нужны больше продукты, алкоголь и вся остальная "дача" - разве только на поминки нам может ещё пригодиться.

Затем - я взял большие егеревы сани, поехал с ними к баньке, сдернул брезент и увидел мёртвых собак. Острая боль когтистой лапой сжала мне сердце... Когда-то я их покупал совсем еще непоседливыми, шкодными, смешными щенками - в подарок Порфирию на юбилей... А теперь вот - хоронить приходится вместе с хозяином.

Я погрузил Тайгу, Дозора, Деши и Валета на сани. Сани привязал к корыту. "Так, душеприказчик Киселев, - сказал я себе - остался только крест и лопаты...." Сходил в кладовку и загрузил их в корыто...

Тем временем совсем стало темно ... Рано темнота наступает зимой в Сибири, мой юный друг!..

8

Я взгромоздился на снегоход, завёл его, и осторожно тронулся, взяв курс на родник, на старый кедр, - там по словам Порфирия он сам себе вырыл могилу... Тем временем - пошёл огромными хлопьями снег и я врубил "дальний свет"... Этот снег, летящий косо, мне напомнил далёкое, скрытое в голубой дымке, время: мой 1-ый "Б", соседку по парте Лену, и мои тетрадки в косую линейку по чистописанию.

Картина, которая предстала моему взору была следующая: кедр, к огромной ветке его прибит строительный бочок, через который была пропущена верёвка, на конце её - раскачивался от ветра гамак... (Когда-то летом я любил нежиться, пить пиво в этом гамаке... когда-то летом...)

И весь этот антураж - перечёркнут летящим косо, - огромные хлопья! - снегом !..

Зловещая картина, если знать - ДЛЯ ЧЕГО ВСЁ ЭТО... Рядом - грунт и накрытая досками яма - последний приют моего единственного друга. "Спасибо, друг, что посетил последний мой приют!.. Постой один среди могил, почувствуй бег минут!.." - вспомнились мне стихи неизвестного автора, приписываемые Владимиру Высоцкому.

Я осторожно убрал все доски - даже снег не попал на дно могилы. Так... это хорошо, - подумал я.

Осталось самая малость - положить гроб в гамак, поднять его и осторожно опустить по центру этой ямы, потом - туда же уложить собак, укутать брезентом, и всё - закидать промёрзшей таёжной сибирской землёй.

Я осторожно поднял гроб из корыта, просунул сетку гамака под него и направился к стволу кедра, где были забиты скобы и к одной из них - привязана верёвка. Я достал из кармана фонарик, включил его и развязал веревочный узел...

Я потянул веревку - гроб оторвался от земли и завис над могилой. Затем он стал раскачиваться из стороны в сторону, словно какой-то дьявольский маятник, какая-то сумасбродная Колыбель Смерти... Любо́й посторонний человек, окажись он неподалёку и наблюдая такую ночную картину - вошёл бы в ступор, потерял дар речи... больно страшное мистическое действие в этой зимней ночи, посреди зимней сибирской тайги...

Ветер, подумал я, и стал осторожно приспускать верёвку, норовя направить гроб по центру могилы... Снегоход тарахтел и свет его фары освещал гроб, но контуры ямы мне с трудом угадывались... Всё же - с пятой попытки я нежно и медленно опустил гроб Порфирия на дно. Теперь - собаки. Я положил их на все стороны вырытой ямы, сам спрыгнул к Порфирию и осторожно - одну за одной! - притулил их к гробу хозяина. Затем - взял кусок брезента и укрыл всех. Потом - вырубил охотничьим ножом - подарок Порфирия! - три ступени и - вылез из могилы.

Перекурить это дело надо, сказал я сам себе... И одну за другой выкурил две папиросины "Беломора". Одной было мало - что-то не накурился...

"Ну, с богом!..", - прошептал я и взяв лопату-"подборку", взглянув на небо. Холодная улыбка луны как бы мне говорила: "Молоток ты, душеприказчик Киселев!.. Сам справился, один, без помощников. Хороший последний приют будет для твоего друга-охотника!.."

Грунт промёрз серьёзно и пришлось мне повозиться, ковыряя его и скидывая внутрь могилы... Восток уже зарумянился, когда я устанавливал крест.

Я вернулся в заимку, перекрестился, занавесил зеркала, и налив 200 гр. водки выпил вразяжку.

"Покойся с миром, Кузнецов Порфирий Иванович, егерь и мой единственный друг!.. Да пусть будет сибирская таёжная земля тебе пухом!.."

Прости меня!.."

... Парус стилой зари, сонно и нехотя, вставал над спящей, заснеженной сибирской тайгой...